

На правах рукописи

Назукина Мария Викторовна

**Региональная идентичность в современной России:
типологический анализ**

Специальность 23.00.02 –

Политические институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

10 ИЮН 2009

Пермь, 2009

Диссертация выполнена в Пермском филиале по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права УрО РАН

Научный руководитель

кандидат философских наук
Константин Викторович Киселев

Официальные оппоненты

доктор политических наук
Ирина Станиславовна Семененко

кандидат политических наук
Алексей Сергеевич Чесноков

Ведущая организация

Уральская Академия
государственной службы

Защита состоится 19 июня 2009 года в 15.00 на заседании Диссертационного совета К 212.189.04 по политическим наукам при Пермском государственном университете по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный университет, корпус 8, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Пермского государственного университета.

Автореферат разослан

<15>

мая 2009 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат политических наук

Н.В. Борисова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы данного диссертационного исследования.

Необходимость теоретического осмысления феномена региональной идентичности в политической науке особо актуализируется при обращении к российским реалиям, где одним из следствий трансформации политической системы на рубеже 1980-90-х гг. стала регионализация политического пространства, сопровождавшаяся резким ростом регионального самосознания. На уровне научного языка это нашло выражение в появлении таких исследовательских сюжетов как «региональное самосознание», «региональная мифология», «региональная идеология» и собственно сама «региональная идентичность». С разных сторон и с различных методологических позиций исследователи пытались объяснить усиление региональной идентификации и ее мобилизационный потенциал, который, находясь в условиях слабости федеральных властей, взяла на вооружение региональная элита и стала укреплять свои позиции путем продвижения в региональные сообщества разнообразных мифологических текстов, символов и идей.

Начало 2000-х гг. ознаменовалось новым этапом во взаимоотношении Центра и регионов. Новые политические условия, связанные с реформированием федеративных отношений, изменили контекст, при котором происходило усиление региональной идентификации в 1990-е годы. При этом конкуренция между регионами только усилилась, что привело к распространению в субъектах РФ политического курса, направленного на поиск неких исключительных и уникальных обстоятельств, которые выделяли бы данный регион из числа прочих, выгодно преподносили бы территорию во внешнем пространстве. Вопросы позиционирования, регионального имиджа, оценки и повышения туристического и инвестиционного потенциала региона, улучшения позитивного самоощущения регионального сообщества от проживания в данном регионе, необходимости изменения миграционного сальдо в положительную сторону получают статус законодательно оформленных приоритетов.

Таким образом, в настоящее время в России складываются разнообразные варианты проявлений региональной уникальности. Их теоретическое осмысление и способы изучения имеют не малое значение для понимания динамики регионализации в России и функционирования региона как сложной социально-политической системы.

Степень научной разработанности проблемы.

На сегодняшний день разработана широкая научная база по исследованию региональной идентичности.

Во-первых, это общие работы, посвященные анализу идентичности. Важные теоретические вопросы, связанные с осмыслением феномена идентичности представлены в трудах Э. Эриксона, Дж.Герберта Мида, У. Джеймса, Ч. Кули, А. Тэшфела и Дж. Тернера¹. Процесс становления социального «Я» с точки зрения конструирования реальности исследован в работе П. Бергера и Т. Лукмана². Подробный анализ развития теории идентичности содержится в работах П. Берке³, М.В. Заковоротной⁴, О.Н. Павловой⁵ и др.

Во-вторых, это исследования, в которых проблема идентичности анализируется применительно к политическим сообществам, прежде всего, нациям. Классическим конструктивистским взглядом на данную проблему стала работа Б. Андерсона, обозначившая проблему воображаемости в качестве ключевой характеристики всех сообществ⁶. Вопросы символической сущности и анализа установления социальных структур с точки зрения магмы воображаемых социальных смыслов поставлены в исследованиях К. Касториадиса⁷. Выявлению роли «другого» в процессе конструирования национальной и идентичности посвящена работа И. Нойманна⁸. Исследование И. Нойманна интересно еще и тем, что в ней автор применил конструктивистский подход на процесс создания регионов (как макрорегионов – Северная Европа и Центральная Европа, так и применительно к российским случаям, рассмотрев пример Башкортостана) и показал, что регионы воображаются в соответствии с теми же принципами, что и нации. М. Кастельс проанализировал процесс конструирования идентичности и выделил типы политических идентичностей, особое внимание среди которых уделял идентичностям новых социальных движений⁹. Исследование процесса становления национальной идентичности в США и ее трансформации после событий 11 сентября 2001 г. осуществил

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 352 с.; Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль / пер. с англ. - М., 1994. С. 172-179; Мид Дж. Аз и Я // Там же. С. 121-128; Turner J. The experimental social psychology of intergroup behaviour // *Intergroup Behaviour* / Eds. J. Turner, H. Giles. Oxford, 1981. P. 66-101.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.

³ Burke P.J., Stryker Sh. The Past, Present and Future of an Identity Theory // *Social Psychology Quarterly*. 2000. Vol. 63. No.4. P. 284-297; Burke P.J., Stets J. Identity Theory and Social Identity Theory // *Social Psychology Quarterly*. 2000. Vol. 63. No.3. P. 224-237.

⁴ Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону, 1999. 183 с.

⁵ Павлова О.Н. Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности. М., 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://pavolga.narod.ru/identity.html> (дата обращения: 10.02.2008).

⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 288 с.

⁷ Касториадис К. Воображаемое установление общества. М., 2003. 480 с.

⁸ Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. 336 с.

⁹ Castells M. The power of identity. (Information age, economy, society and culture. Vol.2). Second edition. Blackwell publishing. 2004.

С. Хантингтон¹⁰. Практическая активность агентов конструирования идентичности и возможность управляемости этим процессом поставлена в работе «Изобретение традиции», выпшедшей в Великобритании в 1983 г. под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рэйнджера¹¹.

Среди отечественных исследователей, изучающих проблемы конструирования политической идентичности, отметим работы О.Ю. Малиновой¹², И.С. Семененко¹³, В.В. Лапкина и В.И. Пантина¹⁴ и др.

В-третьих, это работы, посвященные анализу процессов регионализации и феномена регионализма, которые находили выход на определение роли региональной идентичности в данных процессах: М. Китинг¹⁵, И.М. Бусыгина¹⁶, А.С. Макарычев¹⁷ и др.

В-четвертых, это труды собственно по изучению региональной идентичности в России. Это исследования Р.Ф. Туровского¹⁸, Н.В. Петрова¹⁹, С.И. Рыженкова²⁰, В.Я. Гельмана и Е.В. Поповой²¹, работы сотрудников Центра европейских исследований (ЦЕИ) при Европейском университете по проблемам интеграции и трансформации идентичности в Европе и на Северо-Западе России Н.М. Ноженко и Н.Б. Яргомской²² и др.

Обрисовывая предметное поле, которое изучалось и продолжает изучаться в рамках исследования феномена региональной идентичности в России, можно выделить ряд поднаправлений, привлекающих наибольшее внимание ученых:

¹⁰ Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. 640 с.
¹¹ The Invention of Tradition / Eds. E. Hobsbawm, Terence R. Cambridge Univ. Press, 1983.

¹² Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки. 2005. №3. С. 8-20.

¹³ Семененко И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Политические исследования, 2008. № 5. С. 7-19; Она же Культура, общество и образ России [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/2007/05/29/irina_semenenko_kultura_obshestvo_i_obraz_rossii.html (дата обращения: 11.08.2008).

¹⁴ Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации / под ред. В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М., 2004. 171 с.

¹⁵ Китинг М. Новый регионализм в западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 67-116.

¹⁶ Бусыгина И.М. Концептуальные основы европейского регионализма // Регионы и регионализм в странах Запада и России / отв. ред. Р.Ф. Иванов. М., 2001. С. 7-15; Она же «Регионы Германии». М., 2000. 351 с.

¹⁷ Макарычев А. С. Регионализм и региональная культурная идентичность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crimea.edu/internet/Education/notes/edition11/n01102.html> (дата обращения: 11.03.2008)

¹⁸ Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999. С. 87-136; Он же Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. СПб., 2003. С. 139-173; Он же Бремя пространства как политическая проблема России // Логос. 2005. №1. С. 124-171.

¹⁹ Петров Н.В. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России. СПб., 2003. С. 125-187.

²⁰ Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области / под ред. С. Рыженкова, Г. Люктерхандт – Михалевой (при участии А. Кузьмина). М., СПб. 2001. 268 с.

²¹ Гельман В.Я., Попова Е.В. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России. СПб., 2003. С. 187-254.

²² Ноженко М.В., Яргомская Н.Б. В поисках нового регионального сообщества: возможная перспектива рассмотрения федеральных округов // Политическая наука. 2005. № 3. С. 119-141.

1. Исследование региональной мифологии как социально оформленного знания о регионе, мощного регулирующего и мобилизационного элемента в жизни общества, способного объединить региональное сообщество в некое локальное братство и тем самым усилить собственные позиции по отношению к другим регионам и федеральному Центру. Данный вопрос активно исследуется с конца 1990-х годов. Это работы В.Д. Нечаева²³ о мифе как культурном феномене, И. Малякина²⁴, проанализировавшего «цикл жизни» регионального мифа от его зарождения до гибели, С.А. Морозова и Е.В. Морозовой²⁵, выделивших типы региональных мифов, распространенных на территории России. Были подробно рассмотрены также частные случаи региональной мифологии - Белгородской области²⁶, Краснодарского края²⁷, Саратовской области²⁸, Оренбургской области²⁹. Сюда же можно отнести изучение этнокультурного компонента в региональной мифологии, получившее наибольшее развитие в рамках исследования различий в самосознании населения национальных образований - республик и автономных округов, а также русских субэтносов³⁰. Анализу политических мифов одного из российских макрорегиона - Дальнего Востока посвящены работы Л.Е. Бляхера³¹ и Л.В. Смирнягина³².

2. Анализ региональных политических культур, ментальных особенностей региональных общностей осуществлялся в работах Л.А. Фадеевой³³, Е.В. Морозовой³⁴ и др.³⁵

²³ Нечаев В.Д. Региональный миф в политической культуре современной России. М., 1999; Он же Миф провинциальности: содержание и механизмы возникновения // Формирование и функции политических мифов в постсоветских обществах. М., 1997. С. 10-18; Он же Региональный миф в процессе становления российского федерализма // Полития. 1999. № 11. С. 48-72.

²⁴ Малякин И. Региональная мифология: три возраста // Pro et Contra. Зима 2000. С. 109-122.

²⁵ Морозов С.А., Морозова Е.В. Политическая мифология: региональный аспект // Культура. Политика. Молодежь. Сборник научных статей. Вып. 4. Ч. 2. М., 2001. С. 101-115.

²⁶ Реутов Е.В. Политические мифы Белгородчины [Электронный ресурс]. URL: <http://conference.rsuh.ru/malak.htm> (дата обращения: 11.03.2008).

²⁷ Морозов С.А., Морозова Е.В. Политическая мифология: региональный аспект // Культура. Политика. Молодежь. Сборник научных статей. Вып. 4. Ч. 2. М., 2001. С. 101-115.

²⁸ Малякин И. Локальные мифологии в России как разобщающий фактор [Электронный ресурс]. URL: <http://conference.rsuh.ru/malak.htm> (дата обращения: 18.05.2007).

²⁹ Косач Г. Оренбург: региональная мифология как фактор взаимоотношений с соседями // Чего хотят регионы России. М., 1999. С. 78-91; Он же Региональное «гражданское политическое сообщество»: вариант Оренбургской области // Реальность этнических мифов / под ред. А.Малашенко и М.Б. Олкотт. М., 2000. С. 53-77.

³⁰ Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т.2. Вып. 1. С. 131-143.

³¹ Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Политические исследования. 2004. № 5. С. 28-39.

³² Смирнягин Л.В. По ту сторону мифов. Дальний Восток: новые подходы к старым проблемам // Независимая газета. 23.01.2008. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2008-01-23/15_myths.html?inright=3 (дата обращения: 15.11.2008).

³³ Фадеева Л.А. Сквозь призму политической культуры: нация, класс, регион. Пермь: Пушкин, 2006. 304 с.

³⁴ Морозова Е.В. Региональная политическая культура. Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета, 1998.

³⁵ Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: Материалы семинара (Тверь, 5-7 марта 1999 г.) / под ред. М.В. Ильина, И.М. Бусыгиной. М., 1999. 240 с.; Колосов

3. Исследование региональной идеологии, практического использования региональных особенностей в целях региональных элит предпринял А.К. Магомедов³⁶.

4. Исследование т.н. «москвоборчества», т.е. имеющего место в сознании россиян противопоставления Москве всех остальных регионов - т.н. «провинции». Среди авторов, анализировавших данную проблему, стоит отметить работы Л.В. Смирнягина, В.Г. Гайдукова, В.Г. Осипова, О.Б. Подвинцева и др.³⁷.

5. Изучение географических образов и другого рода интерпретаций пространства и места. Среди исследователей, работающих в рамках изучения данного аспекта региональной идентичности, следует выделить Д.Н. Замятину³⁸, Н.Ю. Замятину³⁹, Р.Ф. Туровского⁴⁰, В.Л. Каганского⁴¹ и А.С. Титкова⁴². Данное исследовательское направление может быть отнесено в рамки новой науки - мифогеографии, призванной объединить усилия географии и ряда гуманитарных наук в деле изучения пространства и его этнокультурной специфики, произвести взаимообмен концептуальными и идеологическими установками между ними⁴³.

6. Работы по исследованию вопросов, связанных с конструированием таких проявлений региональной идентичности как региональная политическая символика (Н.В.

В.А., Криндач А.Д. Тенденции постсоветского развития массового сознания и политической культуры Юга России // Политические исследования. 1994 № 6. С. 120-133.

³⁶ Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания снизу (Сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М., 2000. 224 с.

³⁷ Смирнягин Л.В. Географические корни российского москвоборчества // География. 1999. № 46 [Электронный ресурс]. URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=199904601> (дата обращения: 15.11.2007); Гайдуков В.Н., Осипов В.Г. Региональный этос и «москвоборчество»: феноменология политической культуры современной России // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 151-163; Мамедов О.Ю. Провинция сопта центр // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т.2. № 3. С. 68-83; Назукина М.В., Подвинец О.Б. Идеологические и политико-психологические основы москвоборчества в российских регионах // Политический альманах Прикамья. Пермь, 2006. Вып. 6. С. 184-196; Бавин П.С. Москва и регионы // [Электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dominant2001/149_4328/359_4353/1333_4363/d011135 (дата обращения: 15.11.2007).

³⁸ Замятин Д.Н., Замятин Н.Ю. Пространство российского федерализма // Политические исследования. 2000. № 5. С. 98-109; Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб: Алетейя, 2003. 331 с.

³⁹ Замятин Н.Ю. Когнитивно - географическое изучение региональных политических процессов // Образы власти и политической культуре России / под ред. Е.Б. Шестопа. М., 2000. С. 74-94; Она же Города, районы и страны в политическом рельефе российских регионов // Политические исследования. 2006. № 2. С. 121-138.

⁴⁰ Туровский Р.Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. СПб. 2003. С. 139-173; Туровский Р. Ф. Бремя пространства как политическая проблема России // Иогос. 2005. № 1. С. 124-171.

⁴¹ Каганский В.Л. Евразийские регионы и евразийские образы регионов [Электронный ресурс]. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/kaganskiy/region/ (дата обращения: 10.11.2006).

⁴² Титков А.С. Образы регионов в российском массовом сознании // Политические исследования. 1999. № 3. С. 62-76.

⁴³ Митин И.И. Мифогеография: новые механизмы интерпретации пространства [Электронный ресурс]. URL: conf.cpic.ru/upload/eva2004/reports/doklad_109.doc (дата обращения: 10.11.2006).

Петров, Ю. Перфильев и др.)⁴⁴, имидж региона (Ю.Г. Чернышов и др.)⁴⁵, позиционирование региона (К.В. Киселев)⁴⁶.

7. Работы, анализирующие механизмы конструирования региональной идентичности, особое место в которых отводится анализу дискурсивных практик агентов конструирования идентичности, в частности средствам массовой информации, символической активности политической и интеллектуальной элиты. Данные исследования довольно популярны на Западе⁴⁷. Выполняются они и на российском материале, но в редких случаях, и, как правило, локализованы в пространстве одного региона: В.Г. Богомяков (Тюменская область)⁴⁸, Л.В. Сагитова (Татарстан)⁴⁹, Л.М. Дробижева (национальные республики)⁵⁰, А.Д. Трахтенберг (Югра)⁵¹, А.М. Карпенко (Калининградская область)⁵² и др.

Таким образом, в научной литературе сложились ряд поднаправлений по изучению региональной идентичности в России. При этом, как показывает практика исследований отдельных случаев, каждый из регионов представляет собой особый вариант конструирования своей уникальности, формируя свой, особый набор характеристик,

⁴⁴ Перфильев Ю. Региональная символика: в поисках идеологии // Регионы России в 1999 г.: ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / под ред. Н. Петрова. М., 2001. С. 324-337; Росич Ю. Региональная символика: в поисках идеологии // [Электронный ресурс]. URL: <http://geraldika.ru/symbols.php?coatid=579> (дата обращения: 15.11.2007).

⁴⁵ Дневник Алтайской школы политических исследований. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке): материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2007. № 23. 384 с.; Дневник Алтайской школы политических исследований. Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны): материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2008. № 24. 240 с.; Имидж регионов. Кто и как это делает // Журнал Publicity. 2006. №1.

⁴⁶ Киселев К.В. Территория Европы. Смогут ли российские регионы перестать быть провинцией // Политический журнал. 2006. № 23 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=113&tek=5891&issue=166> (дата обращения: 11.11.2008); Он же. Акторы и тренды региональной политики: политическая ситуация в Свердловской области в электоральном цикле 2003-2007 гг. Екатеринбург. 2007 и др.

⁴⁷ Acharya A. Do norms and identity matter? Community and power in Southeast Asia's regional order // The Pacific Review. 2005. Vol. 18. No 1. P. 95-118; Felgenhauer T., Mihm, M. and Schlottmann A. The making of 'Mitteldeutschland'. On the function of implicit and explicit symbolic features for implementing regions and regional identity // Swedish Society for Anthropology and Geography. 2005. № 87. P. 45-60

⁴⁸ Богомяков В.Г. Региональная идентичность «земли тюменской»: мифы и дискурс. Екатеринбург, 2007. 148 с.

⁴⁹ Сагитова Л.В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России. СПб., 2003. С. 77-125.

⁵⁰ Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006. С. 10-29.

⁵¹ Трахтенберг А.Д. Конструирование реальной идентичности в процессе дискурсивной ассимиляции (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) // Журнал «Дискурс Плюс». Екатеринбург, 2005. С. 42-46.

⁵² Карпенко А.М. Калининград в «ганзейском» дискурсе «региона Балтийского моря» // Вестник Российского государственного университета им. Иммануила Канта. Вып.6: Сер. Гуманитарные науки. Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта, 2008. С. 88-94.

значимых для сообщества выражений их самости. Иными словами, каждый регион, демонстрирует собственную модель региональной идентичности. Между тем, многообразие проявлений феномена в субъектах РФ актуализирует вопросы определения закономерностей, поиска общего и особенного в процессах конструирования региональной идентичности не только в отдельных субъектах РФ, но и выделения типов региональной идентичности в масштабах России. Вопросы типологизации региональной идентичности, поставленные в данной работе, ранее не изучались в предложенной трактовке и на столь обширной эмпирической базе.

Объект диссертационного исследования – региональная идентичность в современной России.

Предмет исследования – модели региональной идентичности в современной России и типологические закономерности их конструирования.

Цель диссертационного исследования – выявить типы региональной идентичности и определить их соотношение с основными характеристиками регионов РФ.

Основными задачами исследования являются:

- проанализировать существующие методологические подходы к изучению региональной идентичности и определить специфику их возможного применения к изучению феномена региональной идентичности в России;
- определить критерий типологизации региональной идентичности в российских регионах;
- характеризовать различные типы региональной идентичности российских регионов;
- определить соотношение этих типов между собой и провести их корреляцию с ключевыми характеристиками регионов РФ;
- проанализировать возможные отклонения от типологической схемы путем уточняющего глубинного анализа модели региональной идентичности в отдельном регионе.

Конструирование типологии осуществлялось на основе анализа материалов по 49 субъектам РФ, географически относящимся к макрорегионам Русского Севера, Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В число рассматриваемых случаев попала также Калининградская область. Таким образом, за рамками исследования были оставлены регионы Центральной части России, регионы Юга России, а также столичные Москва и Санкт-Петербург с областями. Исключение названных регионов обусловлено следующими причинами:

Во-первых, исключение из исследования Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей связано со столичным политико-административным статусом данных территорий. Выполнение функций столиц государства и приближенность к ним формирует сложности в разграничении собственно регионального и национально-государственного в уникальности данных субъектов.

Во-вторых, по сходным причинам из числа анализируемых случаев были исключены регионы Центральной части России, чья специфичность связана с традиционно выраженной региональной идентификацией себя в качестве исторического ядра России. Кроме этого, особенности идентичности населения этой части российского пространства уже исследовалась в макротерриториальном охвате географическими методами⁵³.

В-третьих, исключение из анализа южных территорий РФ обусловлено выраженным национальным колоритом данного макрорегиона и доминировавшем южной (северокавказской) идентичности у территорий в него входящих.

Уточнение типологического анализа региональной идентичности осуществлялось на примере Пермского края.

В качестве основного **теоретического подхода** работы используется методология социального конструктивизма, в который интегрируются некоторые положения политико-культурного подхода к анализу региональной идентичности. Социальный конструктивизм как способ анализа идентичности исходит из принципа конструирования реальности и предполагает анализ дискурсивной активности политических акторов, самоопределяющихся в культурном, экономическом, этническом и политическом пространстве региона. Данный подход имеет солидные теоретические традиции в исследованиях П. Бергера, Т. Лукмана, Ф. Барта, П. Бурдьё, Б. Алдерсона, К. Касториадиса⁵⁴. Интеграция в конструктивизм элементов политико-культурного подхода связана с необходимостью усиления ценностной составляющей в региональной идентичности.

В исследовании использовались следующие конкретные **методы сбора и обработки материала**: анализ нормативных актов (в частности, региональных законов, стратегий регионального развития), дискурсивный анализ, мониторинг и контент-анализ материалов СМИ и интернет-ресурсов, теоретическое моделирование, кроссрегиональный сравнительный анализ, метод case-study.

⁵³ Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук. М., 2007. 53 с.

⁵⁴ Бергер П., Лукман Т. Указ. Соч.; Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.; Бурдьё П. Социология политики М.: Socio-Logos, 1993; Алдерсон Б. Указ. Соч.; Касториадис К. Указ. Соч.

Сюда же следует отнести метод, условно названный В.Каганским «профессионализированным путешествием». Суть его сводится к активному включенному динамическому наблюдению за региональной жизнью⁵⁵. Предметом таких путешествий является культурный ландшафт, в котором акцентируются смыслы и ценности региональной идентичности. Такое «путешествие», включающее визуальное наблюдение, сбор, изучение и экспресс-анализ местных масс-медиа (печатные и радиоэлектронные), литературы краеведческой и региональной, включая местную художественную, работу в краеведческих и иных музеях, касалось работы, прежде всего, в Пермском крае.

Эмпирическую базу исследования составляют несколько групп **источников**.

Во-первых, самым значимым источником стали материалы региональных СМИ, которые фактически формируют информационное пространство каждого региона, выполняя одновременно две взаимосвязанные функции. С одной стороны региональные СМИ являются прямым отражением развития регионального самосознания на конкретной территории, а, с другой стороны, они выступают важным механизмом формирования и влияния на развитие региональной самоидентичности. Это утверждение справедливо и по отношению к региональным Интернет-ресурсам, которые также активно использовались в исследовании. К ним относятся официальные сайты субъектов Российской Федерации, туристические Интернет-ресурсы регионов, историко-культурные порталы субъектов РФ.

Во-вторых, опубликованные выступления и интервью представителей политической и интеллектуальной элиты регионов, позволяющие выявить агентов конструирования и наиболее важные символические формы в конструировании региональной уникальности.

В-третьих, особую группу источников составили нормативно-правовые акты и региональные программы, так или иначе затрагивающие исследуемую проблему. Среди них особое внимание уделялось стратегиям развития регионов, положениям о развитии туризма, программам по повышению имиджевого капитала региона, направленных на формирование и поддержание региональных мифов. Кроме того, эта группа источников включает областные законы о региональной символике. С помощью данных источников можно выявить насколько активно региональные власти упорядочивают символическое пространство регионов и используют региональную мифологию для легитимации своего положения.

Четвертую группу входят результаты опросов общественного мнения ФОМ⁵⁶, ВЦИОМ⁵⁷, Среднерусского консалтингового Центра⁵⁸, региональных социологических

⁵⁵ Каганский В.Л. Указ. Соч.

⁵⁶ ФОМ - ИНФО. Еженедельный бюллетень. М. 1998. № 27 (222).

служб и других центров мониторинга общественного мнения, выясняющие степень значимости региональной идентификации для россиян и региональных сообществ.

Пятую группу источников составили различные путеводители и брошюры о регионах, а также исторические материалы: учебники и пособия по истории регионов. Анализировались и символические источники - региональные культурно-исторические и архитектурные символы, девизы, прозвища, официальная и неофициальная символика, сувенирная продукция и т.д.

Отдельно следует отметить, материалы региональных форумов и блогосферы. Это площадки по обсуждению вопросов региональной особенности, сформированные в Интернет пространстве, в частности в Живом журнале, которые объединяют пользователей из разных регионов⁵⁹.

Научная новизна исследования заключается в том, что предложена авторская типология региональной идентичности в современной России и выявлены существующие корреляции между типом региональной идентичности и ключевыми характеристиками региона.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Специфика политологического анализа региональной идентичности проявляется в фокусировании внимания на процессе осознания региональной «самости». В центр проблемы поставлен вопрос определения «себя» и «другого», артикуляции смыслов, конструирующих самость.

2. Региональные идентичности связаны с выработкой и поддержанием коллективных смыслов, системообразующих и регулирующих групповое взаимодействие, поддерживающих символическое единство регионального сообщества, формируют его границы, отделяют от других сообществ. Они приобретают политическую сущность, когда становятся значимыми в жизни регионального сообщества, используются в качестве символического средства легитимирующего порядок внутри региона.

⁵⁷ Данилова Е. Проблемы социальной идентификации населения постсоветской России // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения*. Информационный бюллетень ВЦИОМ, 1997. № 3.

⁵⁸ Результаты исследования Среднерусского консалтингового Центра «Российская идентичность в условиях общественной трансформации. Общенациональные черты и региональные особенности», февраль – апрель 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fesmos.ru/publikat/21_identity2004/identity.html (дата обращения: 05.06.2007).

⁵⁹ См. напр.: Многополярная Россия [Электронный ресурс]. URL: http://community.livejournal.com/polusa_ru/profile (дата обращения: 05.11.2008), Имя имён. Имя земли [Электронный ресурс]. URL: http://community.livejournal.com/genius_loci_rus/ (дата обращения: 05.11.2008), Журнал home_siberia [Электронный ресурс]. URL: http://community.livejournal.com/home_siberia/profile (дата обращения: 05.11.2008) и другие.

3. Методологической основой анализа региональной идентичности в современной России может стать синтез социального конструктивизма с элементами политико-культурного подхода. С данных позиций в анализ региональной идентичности, оказываются включены: осознание особенности или уникальности регионального сообщества через анализ культурно-исторического контекста, в рамках которого проистекает жизнь сообщества; символическое оформление этой особенности через институционализацию региональной символики и мифологии; стратегии развития регионального пространства, т.е. практики активности политической и интеллектуальной элиты по проведению политического курса – политики идентичности, а также выработки ими региональных идеологий, определяющих программы развития сообщества и внешне ориентированное позиционирование особенности через оформление четкого имиджа региона.

4. Региональная идентичность может быть определена как процесс интерпретации регионального свособразия, через который региональная уникальность приобретает институционализированные черты в определенных символах и мифах сообщества. Сущность же региональной идентичности проявляется в процессе конструирования наиболее значимых для сообщества выразителей ее уникальности.

5. В структуре региональной идентичности выделяется два основных компонента: культурно-ценностный и стратегический. Культурный уровень связан с характеристикой устоявшихся черт региональной уникальности, ценностных особенностей сообщества. Появление стратегического уровня подразумевает сознательное использование данных особенностей элитами в практических целях, например, для повышения известности региона, мобилизации сообщества и пр. Данное расчленение на уровни во многом является аналитическим конструктом, поскольку в реальности оба этих компонента находятся в тесной связи друг с другом. Тем не менее, степень сознательности в практиках выработки самости и их направленность достаточно четко определяются при обращении к любому региону. Культурные характеристики сообщества связаны с объективными особенностями регионов, стратегические - с политикой идентичности.

6. Соотношение культурного и стратегического уровней в структуре региональной может являться критерием для выделения типов идентичности в российских регионах. В зависимости от присутствия/отсутствия в процессе конструирования региональной идентичности культурного и стратегического уровней региональная идентичность может быть: 1). региональная идентичность с сильным культурным ядром при отсутствии или слабом его стратегическом оформлении; 2). региональная идентичность с сильным культурным ядром при наличии ярко выраженного стратегического его выражения; 3).

региональная идентичность со слабым ощущением культурного единства, но при активной имиджевой политике; 4). региональная идентичность, при которой отсутствует выраженное культурное единство ее стратегическое оформление.

7. В России наиболее распространенным типом региональной идентичности является вариант сильного внутреннего единства населения региона на основе культурно-ценностной идентификации и выраженного стратегического направления в политике идентичности элит. Второй, довольно распространенный, тип идентичности в практике российских регионов – это вариант сильного внутреннего единства населения на основе культурного самоощущения, но при отсутствии его политического оформления.

8. Не существует жесткой зависимости от тех или иных объективных особенностей региона и складывающимся типом региональной идентичности. Можно говорить лишь о выявленных закономерностях: тип региональной идентичности соотносится с экономическим развитием и территориальным расположением региона. Практика конструирования региональной идентичности зависит от дискурсивной активности агентов конструирования региональной идентичности (политической элиты, интеллигенции, СМИ и др.) и от таких характеристик как координация их действий и используемые ими стратегии.

9. Внешнее отношение к региону и сам характер федеративных отношений в стране является важным условием в изменении выработки уникальности в регионах с точки зрения его содержательного наполнения и используемых при этом механизмов. В настоящее время наблюдается преобладание рациональных моментов в процессе позиционирования регионов среди прочих перед федеральным Центром.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки теоретических вопросов региональной идентичности. Материалы исследования могут быть использованы на уровне деятельности федеральных и региональных органов государственной власти при выработке управленческих решений, разработке федеральных и региональных стратегий развития регионов. Выводы и материалы исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов «Политическая регионалистика», «Политическая социология», «Федерализм в современной России».

Апробация работы.

Основные положения и выводы диссертации изложены автором в докладах и выступлениях на научно-практических конференциях:

1. Всероссийская конференция «Политические процессы и локальные сообщества в малых городах России: современный этап развития» (Чусовой, Пермский край 8-9 сентября 2006 г.)

2. IV Всероссийский конгресс политологов (Москва 20-22 октября 2006 г.)

3. Международная конференция «Partnership and Cooperation beyond 2007» (Ekaterinburg, May 16 - 18, 2007 г.)

4. Всероссийская конференция «Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе» (Пермь 20-22 сентября 2007 г.)

5. Международная конференция «Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы» (Москва, 22-23 ноября 2007 г.)

6. Всероссийская научная конференция, посвященной памяти профессора З.И.Фрайнбурга (Пермь, 13-14 ноября 2008 г.)

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании ПФ ИФиП УрО РАН.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цель и задачи, характеризуется степень научной разработанности проблемы, излагается теоретико-методологическая база, обосновываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

В первой главе «Политологический анализ региональной идентичности: теоретико-методологические основания» определяется теоретическая модель исследования региональной идентичности в современной России.

В первом параграфе «Региональная идентичность как теоретическая проблема политической науки» раскрывается специфика политологического анализа региональной идентичности.

Краткий обзор развития концепта «идентичность» позволил выделить два смысла в понятии идентичность: «тождественность» и «самость». Применительно к политическим исследованиям идентичность долгое время оказывалась увязанной в простом отождествлении индивида (солидарности) с какой-либо группой, имеющей политические цели или борющейся за власть, и находившей конкретное проявление в акте голосования (партийная идентификация). Ограниченность такой интерпретации политической

идентичности связана с ее определением через понятие «тождественности». На взгляд автора наиболее перспективный взгляд на идентичность – это ее концептуализация через понятие «самости», а не тождественности. Поскольку «самость» фиксирует не только оформление ассоциативных процессов, но одновременно и классифицирующих признаков, отделяющих «своих» от чужих» становится возможным рассматривать не только внутренние структурные элементы идентичности и внешние ее проявления, но также и поднять вопрос «а что такое не самость?», «как она формируется?», «что отличает нас от них?».

Для определения критерия отделения политических идентичностей от неполитических используются теоретические наработки К.Шмитта, П.Бурдьё, Ш.Муфф. Политические идентичности связаны с принадлежностью к определенной социально-политической общности (государству, нации и т.д.) и представляют собой практики выработки и поддержания коллективных смыслов, системообразующих и регулирующих групповое взаимодействие, поддерживающих символическое единство группы.

Исходя из этого, формулируются особенности политологического анализа проблемы идентичности: отход от восприятия идентичности как данности, простой фиксации различий; концентрация внимания на процесс политической артикуляции смыслов, конструирующих самость; анализ факторов и условий, определяющих почему именно такие возможности для идентификации доминируют, а другие исключены; выявление агентов конструирования самости, т.е. акцент на элитные практики; практическая ориентация исследований: поиск теоретических инструментов, которые позволили ли бы политическим и социальным акторам приступить к использованию ее результатов в политическом курсе.

Далее в параграфе определяется место региональной идентичности в матрице политических идентичностей. Регион как пространство, ограничивающее сообщества друг от друга, становится одним из оснований, на базе которых становится возможным появление политических идентичностей. Сам по себе факт проживания на одной территории в границах властно установленных административных единиц может стать либо фактором (благодаря которому усиливается различие себя по религиозному, этническому принципу) либо основанием для выдвижения территориальности на передний план идентификационной матрицы сообщества.

Анализ проблемы региональной идентичности обнаруживает, что само понятие крайне неоднозначно и складывается не просто на основании синтеза терминов ее образующих, таких как регион, политическое пространство, идентичность. Выявление

связей и их взаимопересечений прочно связано с предметной областью субдисциплины политической науки - политической регионалистики.

Во втором параграфе «Основные методологические подходы к изучению региональной идентичности» проанализированы основные методологические подходы к изучению региональной идентичности и выработан наиболее оптимальный интегративный подход.

В современной научной литературе отчетливо определяются три методологических подхода к интерпретации сущности феномена - политико-культурный, инструменталистский и социально-конструктивистский.

Проведенный обзор методологических подходов позволил сделать вывод, что все три подхода к изучению региональной идентичности с различных сторон подходят в вопросе определения ее сущности. Различия в определениях связаны с тем, что ставится во главу концепта: сущностные характеристики (политическая культура), «выгоды» и интересы политических субъектов (инструментализм) или процесс формирования и трансформации дискурсивных практик, наполняющих смыслом коллективную «самость» (конструктивизм).

Из кардинально противоположных посылов исходят политико-культурный подход и инструментализм. Первый считает, что региональная идентичность представляет собой ценностно-эмоциональное ощущение принадлежности к региональному сообществу, содержащее информацию об исторических, экономических, культурных и пр. ее составляющих. При такой трактовке также замечается, что идентичность складывается естественным образом, зависит от объективных факторов, представляет часть материального мира и выполняют важную функцию в жизни регионального сообщества. Инструментализм, напротив, связывает региональную идентичность с возможностью изобретения и понимает ее как средство для достижения рациональных целей и делает упор на субъективный фактор. Региональная идентичность здесь определяется как уникальность региона, которая конструируется региональной элитой на основе определенного культурного атрибута, с помощью проведения целенаправленного политического курса.

Социально-конструктивистский подход пытается объяснить, как и почему человек или общество принимает те или иные принципы и способы идентификации, как и почему человек или общество подчиняется им. Идентичность рассматривается как процесс интерпретации своеобразия, на основании которых происходит конституирование сообщества. Этот процесс обусловлен и поддерживается дискурсивными практиками и

ритуалами и состоит из производства территориальных границ, системы символов и институтов.

Конструктивизм перемещает центр внимания на процесс и механизмы конструирования идентичности. Поскольку он также исходит из принципа активности политических акторов, это сближает его с инструментализмом. Конструктивизм определяется в качестве методологической основы для изучения региональной идентичности. Помимо анализа практик конструирования, в исследовательскую модель включаются элементы политико-культурной традиции, заключающиеся в анализе характеристик пространства, в рамках которого локализован регион, а также значимые для сообщества характеристики их личности. Речь здесь идет о поиске основ для идентификации, составляющих в терминологии Э.Шилза «культурное ядро» сообщества, выражающего его своеобразие и самобытность. Значения культурного ядра задают матрицу для идентификации сообщества, но степень их выраженности определяется дискурсивными практиками формирующих «узловые точки» (Э.Лаклау, Ш.Муфф) региональной идентичности.

Таким образом, усиление значимости культурных характеристик регионального сообщества в конструктивизме формирует интегративный подход. На основе него дается определение региональной идентичности – это процесс интерпретации регионального своеобразия, через который региональная уникальность приобретает институционализированные черты в определенных символах и мифах сообщества. Этот процесс обусловлен и поддерживается дискурсивными практиками и ритуалами и состоит из производства территориальных границ, системы символов и институтов.

Вторая глава «Структура и типы региональной идентичности в современной России» посвящена конструированию типологии региональной идентичности в современной России.

В первом параграфе «Региональная идентичность: сущностные черты и структурные элементы» на основе выработанного методологического подхода определяется, что с точки зрения структурных компонентов региональная идентичность состоит из двух основных уровней: культурного и стратегического. Культурный уровень включает в себя те характеристики региональной уникальности, которые можно описать формулой «о чем жители региона думают как о чем-то общим для них всех». В него оказываются объединены черты регионального сообщества, которые формируются в рамках взаимодействия внутри региона, начиная от культурно-исторического наследия и заканчивая формированием особого регионального сообщества выраженного в

типических для него характеристиках. Иными словами, культурный уровень связан с характеристикой устоявшихся черт региональной уникальности, ценностных особенностей сообщества.

Стратегический уровень означает использование данных особенностей региональными элитами в практических целях. Это сознательное изобретение и использование региональной уникальности (символическая политика, «изобретение традиций», политика идентичностей региональных элит), а также продвижение конструируемой уникальности, выражающаяся в формировании регионального имиджа (политика по формированию имиджа, позиционирование территории во внешнее пространство и т.д.).

Данное расчленение на уровни во многом является аналитическим конструктом, поскольку в реальности оба этих компонента находятся в тесной связи друг с другом.

Каждый из российских регионов представляет собой совершенно уникальный набор проявлений региональной идентичности в содержательном выражении и наборе дискурсивных практик, конституирующих региональную самость. С этих позиций любой из регионов РФ – это модель региональной идентичности. Между тем, обращение к опыту российских регионов показывает также, что в одних регионах активно осуществляется политика по конструированию региональной идентичности, а где-то региональная «самость» развивается стихийно.

Выработанная структура стала основой для конструирования типологии региональной идентичности во втором параграфе *«Типы региональной идентичности в современной России»*. Определяющим критерием для ее формирования стало соотношение структурных уровней в региональной идентичности: культурного и стратегического.

В зависимости от присутствия/отсутствия в процессе конструирования региональной идентичности культурного и стратегического уровней были выделены четыре идеальных типа:

1. региональная идентичность с сильным культурным ядром при отсутствии или слабом стратегическом его оформлении.
2. региональная идентичность при наличии сильного культурного ядра и стратегического его выражения.
3. региональная идентичность со слабым ощущением культурного единства при активной имиджевой политике.

4. региональная идентичность, при которой отсутствует выраженное культурное единство и ее стратегическое оформление.

Было определено, что в регионах РФ распространены все четыре возможных сценария практик выработки региональной уникальности.

Выделенные типы были соотнесены с процессами конструирования региональной идентичности в 49 регионах РФ. Сложившаяся конфигурация региональной самости была соотнесена с особенностями региона. Среди них были выделены две группы: особенности, связанные с объективными характеристиками региона (социально-экономическое развитие региона⁶⁰, территориальное расположение региона⁶¹, историческое наследие история освоения и география территории⁶², национальная специфика региона⁶³) и, связанные с субъективным выражением (активностью определенных групп (интеллектуальных, элитных) по конструированию идентичности).

Первый тип - региональная идентичность с сильным культурным ядром при отсутствии или слабом стратегическом его оформлении.

Идеальный портрет региональных сообществ с таким типом идентичности предполагает наличие сильной региональной идентификации на основе культурно-психологического единства населения региона по принципу осознания своей уникальности и символизации данной уникальности в определенных символах сообщества. При этом данная самость не находит выхода в осознании общего интереса и четкой политики презентации самости.

Регионы: Амурская область, Камчатский край, Приморский край, Сахалинская область, Хабаровский край, Чукотский АО, Еврейская автономная область, Республика Алтай, Алтайский край, Республика Хакасия, Республика Тыва, Республика Бурятия, Забайкальский край, Кировская область, Ульяновская область, Пензенская область,

⁶⁰ В качестве показателей использованы данные IRPEX рейтинга по конкурентоспособности регионов, составленного Институтом региональной политики. Итоговый рейтинг каждого региона включает три параметра, из которых мы брали два показателя: оценку уровня конкурентоспособности региона (отраженный по трехбалльной шкале: низкий, средний, высокий) и оценку стабильности и устойчивости развития территории (устойчивый, преимущественно устойчивый, преимущественно неустойчивый, неустойчивый). // Индекс Института региональной политики IRPEX [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irpex.ru/IR/>; Конкурентоспособность: География роста // Ведомости 15.10.2008, №195 (2217) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2008/10/15/164792>

⁶¹ отдаленность от Центра (Москвы). Были выделены регионы «близкие к центру» (до Урала), «удаленные» (часть территорий Сибири и Дальний Восток) и «средние» расположенные (часть регионов Урала и Сибири).

⁶² принадлежность к макросообществам (регионы Урала, Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Русского Севера и Калининградская область как европейская территория).

⁶³ степень этнокультурной специфики региона: «национальные» (в основном, республики), «русские» (в которых преобладает русское население) и «специфические» (в основном, образованные путем объединения с автономными округами).

Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Оренбургская область, Чувашская Республика.

Второй тип - региональная идентичность при наличии сильного культурного ядра и стратегического его выражения.

Для регионов с данным типом территориальной идентичности характерно с одной стороны сильное чувство ощущения своей уникальности, и с другой, презентация данной уникальности через целенаправленный политический курс.

Регионы: Кемеровская область, Свердловская область, Челябинская область, Новосибирская область, Томская область, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Архангельская область, Вологодская область, Республика Карелия, Мурманская область, Новгородская область, Псковская область, Самарская область, Саратовская область, Ханты-Мансийский АО – Югра, Ямало-Ненецкий АО.

Третий тип - региональная идентичность со слабым ощущением культурного единства при активной имиджевой политике.

Для регионов, где наблюдается данный тип идентичности характерно слабое ощущение населением общности на основе культурно-психологических характеристик, зато присутствует осознание общего интереса, который проявляется в активном поиске и закреплении своей уникальности через символическую репрезентацию и внутренний и внешний региональный имидж.

Регионы: Нижегородская область, Удмуртская Республика, Курганская область, Тюменская область, Иркутская область, Пермский край, Калининградская область.

Четвертый тип - региональная идентичность, при которой отсутствует выраженное культурное единство и ее стратегическое оформление.

Для региональных сообществ с данным типом характерно слабое ощущение общих культурно-ценностных черт, а политика идентичности либо отсутствует, либо принимает крайне робкие формы.

Регионы: Омская область, Республика Коми, Магаданская область.

При соотношении сложившейся в регионе конфигурации региональной самости с объективными условиями, в рамках которых происходит жизнь сообщества, были выявлены следующие закономерности. Успешное экономическое развитие способствует укоренению активной имиджевой стратегии и высокой публичной активности региональных элит. Экономическая слабость же, напротив, акцентирует психологическую приверженность региональному сообществу, выполняя своего рода компенсаторную

функцию. Территориальная отдаленность от Центра также может стать условием для более выраженного культурного уровня в идентичности.

Наличие именно закономерностей связано с тем, что объективные характеристики региона задают лишь исходный контекст при конструировании региональной идентичности: он задает рамки самости, но степень его значимости может падать или повышаться в зависимости от практик работы с данным исходным материалом – а именно от активности региональных элит в деле «изобретения традиции». Важная роль агентов конструирования применительно к выделенной типологии означает повышение внимания к практикам и смыслам активности региональных акторов. В некоторых случаях даже активность последних и активная имиджевая стратегия в деле определения региональной самости может не усваиваться региональным сообществом и внешними «наблюдателями» и не достигать поставленной цели.

В главе III «Матрица региональной идентичности Пермского края» проводится глубинный анализ региональной идентичности Пермского края.

Первый параграф «Культурно-ценностное измерение региональной идентичности Пермского края» посвящен выявлению составляющих культурного ядра в региональной идентичности и определению основных дискурсов идентичности Пермского края.

Для Пермского региона оказалась характерна слабая рефлексия регионального сообщества по отношению к определению «что есть «мы»», «что нас отделяет от других». Основные идентификационные ориентиры расплывчаты, доминирует экономическая специфичность, а земляческие чувства не находят проявления в восприятии жителями региона как лучшей территории для проживания.

Основные дискурсы региональной идентичности Пермского края структурируются по агентам конструирования (культурологический – культурным сообществом, гражданский – гражданским обществом, политический – органами власти и отдельными политиками), они разнонаправлены как по содержанию, так и по конечному результату, адресной группе, на которую они ориентированы.

Во втором параграфе «Стратегическое измерение региональной идентичности: конструирование позитивной известности Пермского края» анализируется политика идентичности региональной элиты с 2000-х годов и до настоящего времени. Выделяются три этапа в реализации политического курса по позиционированию территории и формированию внутреннего имиджа региона:

1 этап - (2000-2004 гг.): на данном этапе приходит осознание необходимости конструирования позитивного имиджа Пермского региона. В то же время в действиях региональной элиты преобладают политические мотивы, связанные с продвижением в федеральную политику пермского губернатора, ныне министра природных ресурсов РФ Юрия Трутнева.

2 этап - (2005 - 2008): новый губернатор региона Олег Чиркунов имиджевую политику региона возводит в ранг одного из приоритетных направлений своей деятельности. На этом этапе вопросы имиджа выделяются в качестве отдельного направления политического курса, формируется центр ответственности, который курирует данную проблему (вице-губернатор, а позже министр культуры и молодежной политики О.Е. Ощепков). Этап условно оканчивается с отставкой правительства и уходом Олега Ощепкова с поста министра культуры и массовых коммуникаций в начале марта 2008 г.

3 этап - (2008 – по н.в.): этап корректировки курса О.Ощепкова. Первое изменение связано тем, что губернатор Олег Чиркунов взял под контроль процесс работы над пермской уникальностью, сформировав вокруг себя креативный центр из привлеченных «экспертов» (Марат Гельман, Сергей Гордеев). Следующая черта, обнаружившаяся на данном этапе, связана с расчленением направлений конструирования внешнего и внутреннего имиджа края. Внутренний приобретает все более культурно-направленную окраску. Внешнее направление региональной имиджевой политики, осуществляемой с 2008 г., завязано на определении новых брендов Пермского края («Покупай пермское», «Пермская картошка» и др.).

Анализ внутреннего процесса формирования региональной идентичности, проведенный на примере Пермского края, позволил определить важность элитных дискурсивных стратегий, конструирующих идентичность. В конфигурации элитных дискурсов, выполняющей очень важную роль в идентификационном процессе, отсутствует стержневая идея. К этому добавляется и гиперактивность выработки стратегий позиционирования политической элитой, постоянная смена ими ориентиров и идей. Культурное сообщество также разобщено, и часто лишь усиливает негативные дискурсы о культурной слабости региона.

Таким образом, было выяснено, что не только активность агентов конструирования, но степень их согласованности, связь с культурными особенностями сообщества является важными объясняющим факторами почему складывается тот или иной тип региональной идентичности.

В **заключении** представлены основные результаты исследования и сделаны выводы. Анализируемые типы региональной идентичности соотносятся с географическим местоположением регионов в которых они распространены.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 19 публикациях, в том числе, четыре, опубликованы в журналах, рецензируемых ВАК РФ:

1. Назукина, М.В. Граница в дискурсе идентичности региональных сообществ России [Текст] / М.В. Назукина // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». - 2007. - № 1. - С.11-17.
2. Назукина, М.В. Концепт идентичности в политической науке: теоретико-методологический обзор [Текст] / М.В. Назукина // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». - 2007. - № 2. - С. 48-58.
3. Назукина, М.В., Панов, П.В., Сулимов, К.А., Конструирование политической самости на местном уровне [Текст] / М.В. Назукина, П.В. Панов, К.А. Сулимов // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». - 2007. - № 2. - С. 19-37.
4. Назукина, М.В., Сулимов, К.А. Символическая репрезентация локальных политических сообществ: Пермский край и Свердловская область [Текст] / М.В. Назукина, К.А. Сулимов // Политическая наука. - 2008. - №3. - С.158-175.
5. Назукина, М.В. Региональная мифология в современной России. Сравнительный анализ опыта Пермской и Свердловской областей [Текст] / М.В. Назукина // Дискурс Пи. - Вып. 5: Дискурс идентичности. - Екатеринбург, 2005. - С.137-141.
6. Назукина, М.В., Подвинцев, О.Б. Идеологические и политико-психологические основы москвоборчества в российских регионах [Текст] / М.В. Назукина, О.Б. Подвинцев // Политический альманах Прикамья. - Пермь, 2006. - Вып.6. - С.184-196.
7. Назукина, М.В. К вопросу о соперничестве Перми и Екатеринбурга // Панорама политических исследований Прикамья. - Пермь, 2006. - С.164-174.
8. Назукина, М.В. Конструирование политических мифов как инструмент формирования позитивной известности регионов России [Электронный ресурс] / М.В. Назукина. URL: http://www.fondedin.ru/dok/04_Nazukina_v.pdf (дата обращения: 15.11.2008).
9. Назукина, М.В. Институционализация региональной мифологии в современной России [Текст] / М.В. Назукина // Тезисы докладов IV Всероссийского Конгресса политологов. - М., 2006. - С. 220-221.

10. Назукина, М.В. Региональная идентичность в условиях ресентрализации политического пространства России [Текст] / М.В. Назукина // Федерализм и централизация / Коллектив авторов. - Екатеринбург: УрО РАН, 2007. - С. 275-298.
11. Назукина, М.В. «Изобретение традиций» как механизм конструирования национальной идентичности [Текст] / М.В. Назукина // Информационный бюллетень Национального Института развития современной идеологии. - М.: НИРСИ, 2007. - № 1. - С. 22-25.
12. Назукина, М.В. Конструирование региональных сообществ в России [Текст] / М.В. Назукина // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. Материалы научной конференции. - Пермь, 2007. - С. 43-45.
13. Назукина, М.В. Роль малых городов в формировании имиджа региона (на материале Свердловской области) [Текст] / М.В. Назукина // Такая разная Россия. Политические процессы и местные сообщества в малых городах. - Пермь, 2007. - С. 93-97.
14. Назукина, М.В. Институционализация региональной мифологии в современной России [Текст] / М.В. Назукина // Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика. - М.: РАПН; РОССПЭН, 2007. - С. 121-136.
15. Назукина, М.В. Конструирование локальных сообществ в регионах России // Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы. Международная научная конференция. Тезисы докладов. - М., 2007. - С. 221-223.
16. Назукина, М.В. Региональная идентичность с позиций конструктивизма: перспективы теоретического осмысления [Текст] / М.В. Назукина // Дискурсология: методология, теория, практика: вторая Международная науч.-практ. конф., посвящ. памяти Ж. Бодрийяра / под общ. ред. О.Ф. Русаковой. - Екатеринбург: Дискус-Пн, 2007. - Т. 2. - 2007. - С. 98-100.
17. Назукина, М.В. Региональная идентичность в контексте процессов ресентрализации [Текст] / М.В. Назукина // Политический процесс в российских регионах накануне электорального цикла 2007-2008. - Барнаул, 2008. - С. 19-23.
18. Назукина, М.В. Макросообщество Сибири и Дальнего Востока: общие черты региональной идентичности [Текст] / М.В. Назукина // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Материалы IX Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора З.И. Фрайнбурга. - Пермь, 2008. - С. 37-39

19. Назукина, М.В., Панов, П.В., Сулимов, К.А. Феномен политического сообщества на локальном (местном) уровне: возможность и действительность [Текст] / М.В. Назукина, П.В. Панов, К.А. Сулимов // Сообщества как политический феномен / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А.Фадеевой. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 153-171.

Подписано в печать 14.05.09, Формат 60х84/16

Усл. печ. л. 1,63. Тираж 100 экз. Заказ 144.

Типография Пермского государственного университета
614990. г. Пермь, ул. Букирева, 15